

❄️ Михаил СИЗОВ

Рождественский гость

Этот искренний разговор возник как-то сам собой. Накануне Рождества на сайте «Ветрово» читали мы новые, написанные в уходящем году, стихи отца Романа, а также его публицистику – и возникли вопросы. К кому же с ними обращаться, как не к автору сайта и директору Фонда творчества иеромонаха Романа Ольге НАДПОРОЖСКОЙ – посреднику между монахом, живущем в лесном скиту, и миром.

Ольга Сергеевна – наш давний автор, её отец – потомок священнического рода Надпорожских, служивших на Вологодской земле, а её дипломной работой на факультете журналистики Санкт-Петербургского госуниверситета была книга очерков «Святыми дорогами Русской земли» – о возрождающейся традиции православного паломничества.

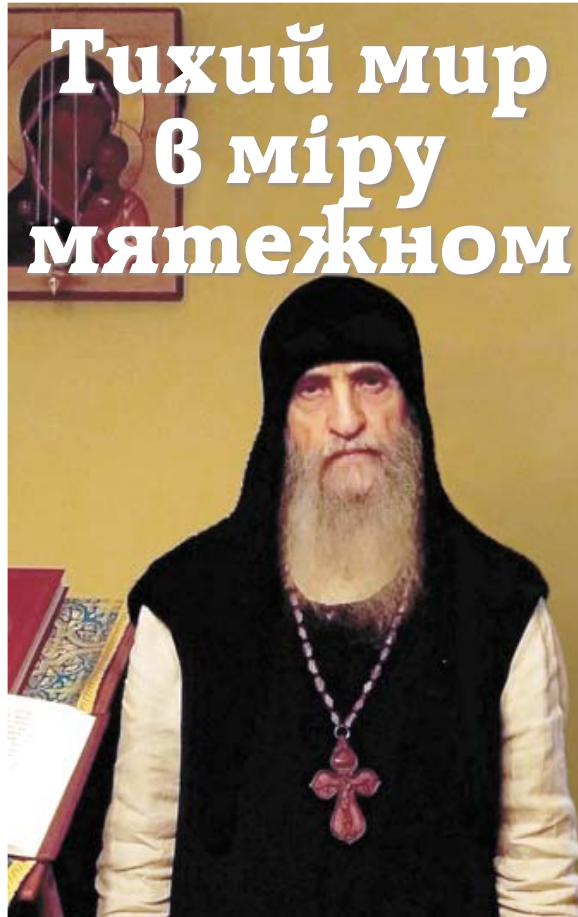
Здесь надо заметить ещё, что отец Роман чётко разделяет «мир» и «мір» и сам пишет эти слова по правилам дореволюционной орфографии. Почему? Догадаться несложно...

– Рождество – это тишина, чудесная тайна рождения Спасителя на земле. И многие стихи отца Романа созерцательны, проникновенны, за что их любят. Можно ли сказать, что творчество батюшки рождественское по духу?

– В одном из рождественских стихотворений отца Романа есть такие строчки:

*И душе ли слово не рождать,
Если сердце не пустые ясли?*

В этом смысле поэзию отца Романа можно назвать рождественской: когда сердце вмещает Бога, душа рождает подлинное слово – от избытка сердца глаголют уста. Такое редко встречается. Сейчас я участвую в работе жюри конкурса духовной литературы, читаю стихи разных авторов. Среди них есть и вполне профессиональные произведения, но часто бывает так, что «духовность» для автора – это нечто, очень сильно отличающееся от православной церковной традиции. Как часто говорит отец Роман, нельзя что-то влить в сосуд, когда он уже наполнен, – его сначала нужно опустошить. Каждый из нас, а особенно люди творческие наполнены

самим собой: своими страстями, мыслями, переживаниями, потому и не могут вместить Божье. И как настоящее стихотворение о любви не может написать тот, кто никогда не любил, или стихотворение о красоте природы – слепой от рождения, так и о духовном не может сказать тот, кто не живёт духовной жизнью или понимает её превратно. В любом случае большинство из нас к духовной жизни прикоснулись совсем немного, а наш опыт несравним с опытом отца Романа, принявшего монашество почти сорок лет тому назад и много лет прожившего в уединении. Поэтому его поэзия – это прикосновение не только к прекрасному, но и к духовному, к тем глубинам и высотам, которых мы не можем достичь самостоятельно, хотя и тоскуем по ним.

Во многих произведениях отца Романа действительно часто отражаются радость и чистота, присущие празднику Рождества, тем более что зима – это его любимое время года, время уединения. Но ещё в большей степени, мне кажется, его поэзия наполнена покаянным

чувством. И стихотворения отца Романа, посвящённые Страстной седмице, ни в коей мере не уступают стихотворениям о Рождестве.

– Бывали ли вы у отца Романа зимой? Как обычно встречаются в скиту Рождество?

– На Рождество я в скиту не была никогда, но зимой приезжала. Пока едешь, а потом идёшь с проводником в скит через лес, по замёрзшей реке и болоту, думаешь: «Как красиво вокруг, надо запомнить». Но в скиту всё это забывается и меркнет. Честно говоря, мне даже фотографировать как-то разонравилось, хотя, наверное, зря. Я очень люблю слово отца Романа. Это не только слова его новых стихотворений, которые он показывает паломникам в скиту, но и то, о чём он говорит за столом, а особенно – беседы после ночной литургии, когда мы говорим о прочитанном на службе Евангелии. Каждый делится своими мыслями, а потом отец Роман рассказывает, на что обратил внимание на этот раз сам.

Или, например, когда мы вычитываем вечернее богослужение, отец Роман может вдруг остановиться и об-

ратить наше внимание на какое-то слово или фразу. Вроде бы Евангелие, Псалтирь и без отца Романа всегда в нашем распоряжении, но именно при его участии вдруг открывается смысл какого-то образа или слова. Причём не просто на расщепленном уровне, а как нечто, имеющее глубокое отношение к тебе самому.

Я сказала, что никогда не бывала у отца Романа на Рождество, но была однажды на Святках. Отец Роман и его послушник в ту зиму писали иконы. Они сидели в иконописной мастерской и работали в тишине, за окном медленно падал снег. Вдруг отец Роман сказал: «Мы бы и вам хотели иконочку написать». А потом предложил попробовать написать икону самой. Мне дали картонку, объяснили, как сделать прорись – это более-менее получилось, потому что особых художественных способностей тут не нужно. Но потом нужно было взять широкую кисть и закрашивать сделанный контур сплошным коричневым фоном. У меня не получилось ни одного ровного мазка – заборы и то

аккуратнее красят. Так я клала слой за слоем, умножая, как мне казалось, грязь, а ночью не могла уснуть: было стыдно, что ввязалась в такую историю, где ничего, кроме позора, меня не ждёт. А на другой день отец Роман сказал мне взять тонкую кисточку и велел чёрной краской обвести тот контур, который еле виднелся из-под слоёв коричневой краски. И тут, к моему удивлению, из этой грязи стал проступать лик, я ощутила взгляд Спасителя. А потом отец Роман взял эту икону у меня и дописал её вместе с послушником, а в праздник Богоявления осыятил. «И с человеком так же, да?» – спросила я. «Да, по мере того как человек освобождается от того, что приобрёл в миру, он обретает лик. Вот старец Николай с острова Залит – по-человечески у него были обычные черты лица, он был простым крестьянским мальчиком, но в старости его лицо стало светиться изнутри, стало ликом».

– В последнее время отец Роман резко высказывался на разные вопросы текущей жизни, о QR-кодах. Его огненная, так скажем, публицистика контрастирует с тихим миром в стихах. Как это может сочетаться?

– И стихи у отца Романа бывают «огненными», мне вначале трудно было это принять. Непонятно, как человек может говорить о Горнем и в то же время обращать внимание на то, от чего мы так устаём в миру и о чём хотим забыть, ища утешения в Церкви. Мне кажется, ответ на этот вопрос можно найти в словах преподобного Паисия Святогорца: «В старину, если кто-то из благоговейных монахов тратил время, заботясь о положении дел в мире, то его надо было запереть в башню. Сейчас наоборот: благоговейного монаха надо запереть в башню, если он не интересуется и не болеет за то состояние, которое возобладало в мире... В наши дни интересоваться и беспокоиться за состояние, в котором находится наш народ, – это исповедание».

В Евангелии Христос ведь говорит не только «блаженны плачущие», но и «горе вам, книжники и фариसेи, лицемеры», хотя нам очень хотелось бы отнести первое к себе, а второе – к кому-то другому. Когда отец Роман говорит о тихом мире, он делится тем, что есть у него внутри, и мы ценим это на вес золота, потому что у нас такого нет. Но когда говорит о мире внешнем, о мире как средоточии греха, то даёт ему должную оценку. Не зря в церковнославянском языке есть два варианта написания слова «мир» – по сути, это два слова,

противоположных по смыслу. Одно из них звучит в словах Христа: «Мир Мой оставляю вам, мир Мой даю вам», а другое – в словах святого Иоанна Богослова: «Не любите мира, ни яже в мире». Отец Роман и про сайт «Ветрово» однажды сказал, что его назначение – открывать людям глаза, хотя мне-то, может быть, хотелось бы многого не видеть.

– Расскажите о записках батюшки «Не сообразуйтесь веку сему». Как они появились?

– В кратком предисловии к этим запискам отец Роман говорит, что ему не всегда удаётся ответить на приходящие письма и он «задумал поговорить с обделёнными авторами писем и с теми, кто желает присоединиться». Но потом к его ответам на письма прибавились размышления о встречах с людьми, о прочитанных книгах и новостях, даже о некоторых отзывах у нас на сайте. Эти записки отец Роман вёл около двадцати лет и, насколько знаю, мог бы включить в них и другие размышления, воспоминания, которые есть у него в черновиках. Уже при подготовке текста к изданию мы дополнили его стихотворениями отца Романа, подходящими по смыслу к той или иной теме.

Откликов на прозу отца Романа, не только эту, действительно много, и далеко не всегда они положительные – некоторые читатели ждут от него только духовной лирики, им неприятны его обличительные строки, призывы к изменению. Людей пишущих задевает взгляд отца Романа на творчество всего лишь как на инструмент, который или помогает спасению, или, что гораздо чаще, сбивает с пути. Кому-то непонятно, почему отец Роман обращает внимание на наш внешний вид и так резко выступает против того, что считает в нас признаками ветхих Адама и Евы. По мнению таких читателей, значение имеет только то, что у человека в душе, хотя как можно судить о невидимом, если мы не замечаем очевидного? Церковных людей, как ни странно, порой задевает защита чистоты православия – они воспринимают это с точностью до наоборот: как нападки на Церковь. Что и говорить, многие из нас, выражаясь словами Константина Леонтьева, ищут «розового христианства» и поэтому не снимают розовые очки. Заблуждаться бывает очень приятно – это, кстати, опять-таки можно отнести и к области искусства.

Мне очень дорого мужество отца Романа, его стремление к Правде,

готовность пострадать за неё. Как пишет батюшка в своих записках, «стоит человеку полностью положить на Милосердие и Любовь Божию, как из ветром колеблемой былинки он превращается в незыблемый столп». Как достичь такой веры – не знаю, но в лице отца Романа вижу пример. Общаясь с ним, пережила много неприятных минут из-за необходимости хотя бы иногда посмотреть на себя и на окружающий мир, как говорит отец Роман, трезво. Да, мы – колеблемые ветром былинки, но дуть против ветра – вовсе не бессмысленная вещь.

– Какие мысли из записок «Не сообразуйтесь веку сему» вас лично тронули?

– Мне, как любителю лирики, близко, например, такое отступление отца Романа: «Каждой весной мы видим, как сходит снег, обнажается земля. Но сеять появляется только тогда, когда земля прогреется: никто не хочет губить семя, никто не засеивает мёрзлую землю. Жизнеутверждающая весна поучает человека: прежде словесного сеяния отогрей душу, в которой хочешь посеять. Если не можешь – хотя бы своё сердце наполни теплом к той душе, к которой направляешь словесное семя. Не потому ли после долгой холодной зимы всё живое радуется проявлениям тепла?» Вспоминаются рассказы отца Романа о старце Николае. По его словам, отец Николай не читал нравоучений, говорил очень просто. Мог чайку с кем-то попить, помазать маслицем. Или читал кому-то совсем простенькое четверостишие, но наполнял его теплом своего сердца, жалел людей – и они плакали.

В книге отца Романа вслед за отступлением о весенней земле идёт стихотворение «Сеятель» с эпиграфом: «Вышел сеятель сеять семя своё» (Лк. 8, 5):

*Вышел сеятель с сумой
Зорькой невечернею
И увидел пред собой
Путь, каменья, терние.
Урожай столько лет
У Небес не выпросить.
Сеять семя толку нет,
Всё равно что выбросить.
И стоит в слезах, молясь,
До полночной темени.
Где ты, добрая земля,
Жаждущая семени?*

У нас на сайте это стихотворение долго обсуждалось, и один придирчивый читатель написал: «Чтобы урожай был добрый, нужно землю возделывать, а не причитать. Камни

снести на межу, тернии выкорчевать да поливать вовремя. Земля уход любит». Меня эти слова немного смутили. Читатель, конечно, обратил эти упреки к отцу Роману, но ведь образ сеятеля взят из евангельской притчи. Действительно, почему Господь не приготовил землю нашей души, прежде чем начать сеять? А потом нашла ответ на этот вопрос в толковании преподобного Максима Исповедника: «Господь не сказал, что Он вышел пахать словесные нивы, ни плугом рассекать дважды или трижды, ни исторгать корни диких трав, ни уравнивать почву, то есть приготовить наши сердца и помыслы, но, говорит, непосредственно “вышел сеять”. Почему это так? Потому что прежде сего Христова сеяния с нашей стороны нам надлежит предукрасить, приготовить для сего нашу душу». А вот уже тепло, которое солнышко даёт, не в нашей власти.

И вот ещё один лирический отрывок из книги отца Романа, который очень тронул меня: «Известный поэт написал много жизнеутверждающих

песен. Время было безбожное, посещал ли он храмы – не знаю. Вряд ли он прожил без скорбей, но они не отражались на его творчестве. Но вот скончалась жена, и земля начала уходить из-под ног, жизнь потеряла смысл. И самое дорогое, что у него осталось на этой холодной земле, – посаженное ею дерево. И никто не ждёт его:

*Только клён, только клён, да и тот,
Между прочим, уже осыпается.*

До чего щемящие строки! Как же одиноко и обречённо он жил! Какая безысходная тоска у живущего прошлым и ничего не ожидающего от будущего! Сирота человек без Бога!»

– Да, эту маленькую заметку отца Романа мы публиковали ранее. В ней речь идёт о стихотворении Михаила Исаковского «Только клён» 1956 года, посвящённого памяти жены Лиды:

*С той поры, как воздали тебе
Мы последние скорбные почести,
Я остался на этой земле
В безысходном своём одиночестве.
И всё горше мне день от дня –
Неприятно, тревожно, неслаженно...
Только клён и встречает меня,
Клён, твоими руками посаженный.*

*Только он, что стоит у ворот
И в лучах предзакатных купается.
Только клён. Только клён. Но и тот,
Между прочим, уже осыпается.*

– И вот вроде бы так понятна тоска человека по ушедшей жене, и строки про клён очень трепетные. Но отец Роман очень часто говорит: всё, что даётся нам на этой земле, мы обречены потерять, поэтому нужно отдать своё сердце Тому, Кто вечен, – Богу. Я иногда встречаю верующих людей – уважаемых, уже зрелых или даже пожилых, отдавших жизнь любимому делу, – и замечаю, что их мучает тоска, хотя они и пытаются честно с ней бороться. Видимо, главного они не обрели – той благодати Духа Святого, о которой говорит преподобный Серафим Саровский. Мне кажется, что и среди священников это встречается. Глядя на них, думаешь, что в таком случае и сам едва ли можешь на что-то рассчитывать. Но, читая книгу отца Романа, понимаешь, что это главное – достижимо, по крайней мере нам показан путь. Обрести который я и желаю всем нам! ❄️❄️❄️

«Всё радостнее звёзды к Рождеству...»

Рождественские стихотворения разных лет

❄️ Иеромонах Роман (Матюшин)

***

Отчего всё поёт ключевой водой
И светло, и покойно в природе?
Это свет Рождества Вифлеемской звездой
Над голгофой России восходит.
Нам смеются в лицо. Скоморохов не счесть.
И поносят, поносят без меры.
Называют пещерными – нам это в честь:
Что дороже Христовой пещеры?
По-над Родиной свет. На душе благодать!
Оживают глаголы у сердца.
И готов вместо хлеба солому жевать,
Лишь бы в Яслях увидеть Младенца!

3 января 1999 г.

ЗВЕЗДА

*И се, звезда, юже видеша
на востоце, идяше пред ними
(Мф. 2, 9)*

И человечество больное,
И мор, и страхи, как всегда,
И всё-таки порой ночью
И в этот раз взойшла Звезда.
Но не напрасно ль восхождение?
Мир не глядит на Небеса,

Не слышит ангельское пенье,
Давно не верит в чудеса.
Но Ты во мраке засветилась
Не для волхвов и пастухов:
Нам, погибающим, явилась,
Неся надежду и Любовь.
Свети, сияя изумрудно,
В ночь Пресвятого Рождества –
Всем, кто ещё взыскует Чуда,
Всем, в ком душа ещё жива!

7–12 января 2021 г.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

И метёт, и метёт, и метёт...
Снег рождественский, словно живой.
И земля с Небесами поёт:
Рождество! Рождество! Рождество!
Под Звездой вифлеемская степь,
Пастухи слышат ангельский слог.
Где Жених твой, душа? Где Вертеп!
И Жених, и Спаситель, и Бог!
Чистота! Просто хочется жить,
Принимая и радость, и боль...
Как, душа, этот мир не любить,
Если мир посетила Любовь?

7 января 2019 г.

***

В такую ночь не подобает спать:
Стой и гляди, вбирай благоволение.
Луна сияет – ей ли не сиять,
Свидетельнице ангельского пенья?
Звёзд оскуденье, можно сосчитать,
Зато долины в огненных каменьях.
На искромётность боязно ступать:
Как попирает небесное явление?
И липы, о законе позабыв,
Вспарили, словно души на моленьи,
Глядятся невесомо и дубы –
В покое нет земного притяженья.
Кресты церквушки, торжеством лучась,
Благовестуют миру обновление:
Приходит тайно Младо Отроча,
И эта тайна видится твореньем.

7 января 2004 г.

ЧУДО

*Приблизьтесь к Богу,
и приблизится к вам*
(Иак. 4, 8)

Чтоб любовь и чистота
В мире не погасли,
Вифлеемская звезда
Осветила Ясли.
Ты не веришь в Чудо? Нет?
В Ангела явление?
Не слепому Божий свет,
Не глухому пенье.
Славят Бога пастухи
В поле малолюдном...
Чадо, что твои грехи
Пред Младенцем чудным?

5–8 января 2021 г.

***

Снега – чуть, но ветер позатих.
Ночь, мороз, луна – кругом искрится,
И душа рождает сразу стих,
Забывая, что должна молиться.
После храма почему не встать
Под такой Красой нерукотворной?
В Божьем мире – всюду благодать,
Радоваться Небу – не зазорно.
Лунная струится синева,
Превращаясь на кустах в серёжки.
Доли, в ожиданьи Рождества,
Брызжут огоньками понарошку.
Ничего не нужно представлять,
Кто не видит Красоты – несчастливы.
И душе ли слово не рождать,
Если сердце не пустые ясли?

4 января 2004 г.

Из записок «Не сообразуйтесь веку сему»

❄ Иеромонах Роман (Матюшин)

Молящемуся ещё при этой жизни отверзает Господь Парадные Врата Вечности, ими он сыновне входит в радость Божию. Тати постигают Вечность с чёрного хода.

***

В древние времена в пустыне подвизался отшельник. Родная сестра и племянник подвижника жили в городе. Захотел правитель повидаться с отшельником и поступил, как ему казалось, самым надёжным способом – посадил племянника в темницу и сказал его матери: придёт брат – отпущу, не придёт – казню. Та в слезах стучится к брату: иди скорее, не то его казнят.

– Я его не рожал! – слышалось из-за двери.

– О, медное сердце! Это же мой единственный сын!

– Скажи правителю: если он виновен – пусть казнят. А если нет, то пусть вспомнит, что и сам ходит под Богом!

Передала плачущая мать сказанное правителю, и тот понял, что не мирскому властелину приручать человека Божьего, и отпустил юношу. Мир

увидит и осудит жестоко-сердце отшельника, а мы ублажаем верность Сказавшему: *но и власи главы вашей вси изочтены суть* (Лк. 12, 7).

***

Юмор. Он нужен и оправдан для касания душ, для снятия напряжения в общении. Кроткой шуткой можно ободрить оробевшего, смягчить тяготу напраслин, приготовить душу к испытаниям и даже укрепить надежду на спасение. В этом созидательная сторона юмора. Но когда юмор используют ради гогота, когда высмеивают всё и вся – он раздражает личность, превращает и говорящих, и внимающих в пошляков, циников, зубоскалов. Хохмачу уже тесно среди живых: то он покупает костюм в магазине ритуальных услуг (от одной темы обхохочётся!), то в поисках материала отправляется на кладбище выискивать весёлые эпитафии! Находит, записывает, читает – гогочут. И не понимает тщеславный осквернитель памятников, что скоро сам станет пищею для смеха пересмешника-дьявола.

***

Ныне повсюду развелось салонов красоты, как

мухоморов в безлюдном лесу. Появились и «доктора красоты». И нужно сказать, никто не сидит без работы. Вот молодая девица просит «сделать глаза побольше, убрать отовсюду жир, удлинить нос, утолстить губы». Как будто она большие глаза не наполнит похотью, сделает добрее, как будто, служа плоти, снова не ожиреет. Бедняжке бы разобраться, для чего она пришла на эту землю, встретиться с собой и начать приводить в порядок свою душу – тогда не нужно было бы залезать в долги или копить деньги на бессмысленные операции.

***

Жалок человек без Господа, ничтожна его искромётность пред лицом Вечности.

***

Как люди боятся старости! А ведь старость прекрасна, когда чиста, мудра и опытна в добре. А так как стареющие в юные и молодые годы занимались чем угодно, но только не собираньем перечисленного и видят смысл оставшейся жизни в дальнейшем служении плоти и страстям, то и обивают пороги всяческих салонов, и ложатся на операционные столы,

пытаясь хоть скальпелем удержать уходящую молодость. И раз им подтянут кожу, и два, но маска молодости – не молодость. Тщетны уговоры! Человек настолько привык к обману, что и помереть, не обманув, уже не может.

***

Молодая девица утыкала себя кольцами и булавами. Кольца и булавы в бровях, ноздрях, губах, ушах – не лицо, а прилавок ювелирного магазина. Сидит, точно её прогнали с операционного стола и забыли снять хирургические зажимы. И смотреть-то больно, не то что писать стихи о любви. Бедный её ухажёр – видно, на свидание ходит с аптечкой. Так и хочется помазать йодом и бинтами перемотать изъязвлённые места. Неужели в душе совсем нет ничего и приходится обращать на себя внимание таким способом?

***

Отпевал молодую женщину. Глянул на лицо и чуть не отшатнулся: яркие накрашенные губы, на щеках румяна. Спрашиваю у родственников: «Кто додумался?» И услышал: «Это была её последняя воля». Тяжко стало: хоть бы кто-то имел понятие –

или умершая, или живые родители. Нищая покинула нищих.

***

Пожирающим драконом лютвало безбожие на просторах нашей Родины. Запад не знал такого воинствующего атеизма: там все или верующие, или, если воспользоваться их определением, «в меру религиозны». Но вот сцена из поголовно верующей католической Португалии. День их святого. Толпы народа, музыка, танцы, вино – массовое гулянье в его честь, но паче – в своё удовольствие. Пляшущий молодой мужчина весело попяняет журналисту: его (святого) сейчас с нами нет, он на стадионе в Японии болеет за нашу сборную (шёл чемпионат мира по футболу). Да уж лучше бы напился, чем так «чествовать»!

***

Скорби нам нужны, как вода и воздух. Более десяти лет назад оказался в незнакомом доме. Хозяйка раскрыла альбом. Вот она в молодости, вот она на гулянье. Всё пустое, внешнее, мирское. И вдруг увидел женщину, сидящую у гроба с телом мальчика. И столько было в этом лице страдания, мудрости и очищения, что я не узнал недалёкую в застольях веселуху. О, если бы мы знали свои глубины! Если бы знали, какое богатство внутри нас!

***

Продажные чиновники – вот кто опаснее всякой чумы и холеры! А так как коренное население России нищенствует, то приедем они включают зелёный свет (зелень за зелень).

***

Жизнь есть созревание посеянного в детстве.

***

Стоит человеку полностью положиться на Милосердие и Любовь Божию, как из ветром колеблемой былинки он превращается в незыблемый столп.

Господи Боже Сил, блажен человек уповаяй на Тя (Пс. 83, 13).

***

Развивая внешнее, гасим внутреннее. Чем больше игрушек в детстве, тем скучнее в них играть, тем больших развлечений ищет душа. Наше уродство начинается дома, усиливается улицей, армией, а диплом с отличием уже выдаёт зона или прослойка «новых». Но все трудности родом из отчего дома. Больше, чем родители, никто не повредит. И если враги человеку домашние его, то уж младенцам, детям они самые страшные враги: всё делают, чтоб любимчик не миновал преисподней, и всё – по «любви», слепой, всепозволяющей и... уничтожающей личность.

***

Многие упрекают епископат в роскоши, и небезосновательно, нужно сказать.

– Как замучили эти поборы! – сокрушался ныне покойный благоговейный батюшка. – Только что-то соберёшь на ремонт – приезжает митрополит с иподиаконами, а значит, нужно тратиться на роскошный стол и потом ещё раздать конвертики всем. Побывали, и всё, казна пуста. Нужно снова собирать на ремонт и молиться, чтобы архиерей не посетил.

– А почему даёте? Он что, лишён жалованья? Живёт на всём готовом в епархии, думаю, имеет оклад не сиротский. Сам себе устраиваете трудности.

– Попробуй не дай, – грустно проговорил отец Алексей, – переведут в глушь, а у меня дети, жена, отец больной, в глуши не прожить.

А ведь то, что стало повсеместной нормой, запрещено правилами Вселенских Соборов. Как же нарушители канонов могут что-то требовать от священников и мирян? И кто-то из них ещё при-

зывает бороться с коррупцией, взяточничеством!

Ах, если бы на Церковном Соборе постановили: желающий быть епископом или священником обречает себя на скудость, ибо «живущему в роскоши невозможно войти в Царство Божие» (преп. Ефрем Сирийский), и обязуется целовать руки подходящих под благословение.

Все бы сказали: «Приемлю, благодарю и нимаю вопреки глаголю»? Позвольте усомниться: желающих заметно бы поубавилось. Но те, кто принял условия, стали бы настоящими архипастырями и пастырями – истинно Христовыми последователями и служителями.

***

Тридцать лет назад и в кошмарном сне не мог представить, что бывшие парторги наденут рясы, станут попами и даже предстояние у престола не помешает им воспевать «Великую Октябрьскую социалистическую революцию» и вождя, объявившего себя личным врагом Бога. Совместители несовместимого! Сыновья коммунистов, чекистов, председателей колхозов, приняв крещение или даже сан священника, ныне гордятся социалистическими достижениями, ставя их выше Спасения! Особенно умиляют мантры о том, что в коммунистический кодекс включены заповеди Спасителя. Адвокаты безбожной власти любят повторять, что, отвергая Христа, безбожники принимали Его заповеди! Всё это напоминает несурзную картину: сын (или дочь) потрясает отцовским письмом, очень дорожит его наставлениями и... всеми силами пытается изгладить о нём память у родичей и соседей, выгнав прочь из его же дома.

И всё же нельзя никого зачёркивать. Может прийти время, когда кто-то из бывших парторгов, ком-

мунистов станет к стенке за имя Христово рядом с теми, кто их судил за воспевание советской власти.

***

И сказал Сидящий на престоле: *се, творю все новое* (Откр. 21, 5).

Господь хочет омыть, обновить человека, но современные Адамы и Евы не желают меняться даже внешне, уподобляясь юридическим в бане: разденутся, коснутся водички и надевают на себя прежние грязные одежды. Мало кто, приходя в Церковь, оставляет прежние свои взгляды, привычки – жизнь.

***

...В юности приехал из Калмыкии в своё село Рябчёлк. Сел вечером на любимом холме, откуда вид на луга, Десну, дальний лес. Гляжу не нагляжусь. И слышу, как лягушачий хор, подобно грекам, держит тон, а соловей солирует. Поразились и редкости сочетания, и великому ладу. А ведь так должно быть и в душе. Но суета и заботы уничтожают этот лад, не дают слышать нужные душе звуки. Душа от суеты – как расстроенная скрипка: вроде и смычок есть, и струны, а звуки не те. Так и человек – и понимает всё умом, а мира не имеет.

***

В уединении природа становится ближе. Когда человек молится, она не пугает его. Ни ветер, ни гроза, ни ураганы – ничто его не пугает, всё радуется душе, доверяющую Богу. А когда он грешит, тогда природа начинает волевать с ним, страшит потерявшую опору в Горнем душе.

Мы живём во времена неслыханного отпадения, глумления, безумия. Ожидаются великие потрясения и в обществе, и в природе. Как будем жалеть о своём теперешнем положении! Живём ведь по поговорке: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем».

